

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 31-го января 1910 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 9903.

РЕМЕСЛО.

Было очень людно, жарко, душно. Именинnyй обѣдъ съ тосками тянулъся вѣчность.

Пріѣхала знаменитость и привезла еще другую знаменитость.

Тогда Плещеева нагнулась къ хозяинкѣ:

— Я исчезаю, у меня сегодня генеральное сраженіе съ Викторомъ.

Старая дама беспокойно и ласково прищурилась. Отвела къ окну, тепло выражала участіе.

— Такъ, значитъ, это правда? Ей предстоитъ выборъ между литературнымъ трудомъ и любимымъ человѣкомъ? Какой ужасъ! Боже мой, какой ужасъ!

Плещеева задумчиво отозвалась, разматривая круглое, добродушное, напудренное лицо:

— Онъ или искусство... даже нѣтъ—онъ или ремесло.. это вѣрнѣе.. сегодня рѣшу.

Хозяйка взяла ее за руки. Шепнула ламягко:

— Наше чувство, женское чувство, основано на жертвѣ. Кто то сказалъ: мѣра для любви—это любить безъ мѣры.. очень тонко.

Лида слабо пожала плечами. Ахъ, если-бы она могла вѣрить въ любовь.. Ну, ничего... какъ-нибудь... въ случаѣ же, Викторъ заупрямится...

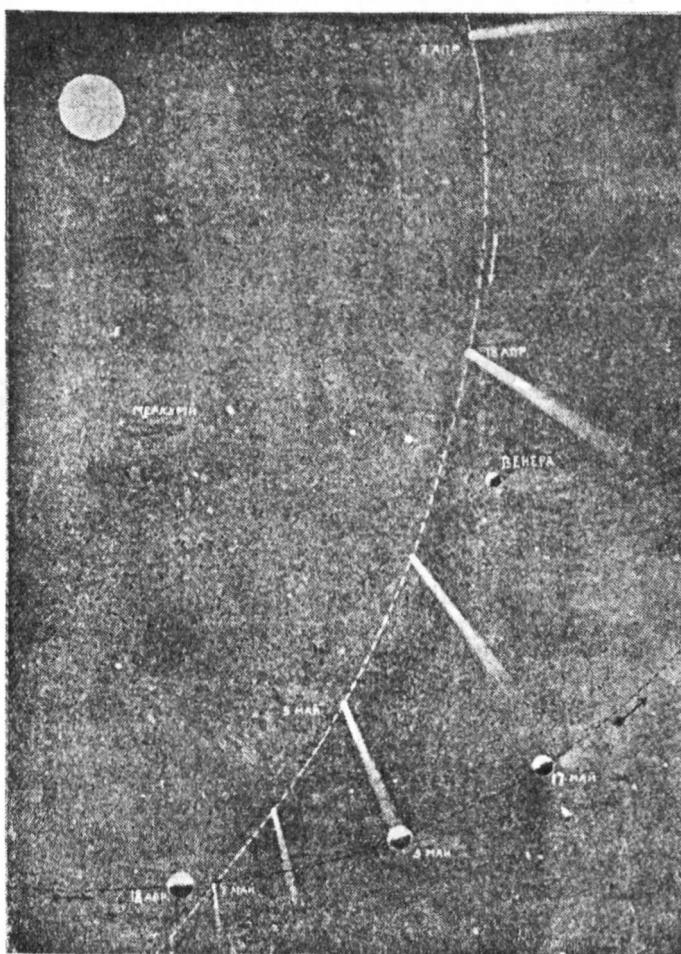
— Тогда что?—пристально посмотрѣла старая дама.

— О!—неопредѣленно воскликнула Плещеева. Ея взглядъ былъ полно отчаянія.

— Нельзя служить двумъ богамъ,—матерински замѣтила хозяйка. Лились наивныя, банальныя слова. Она должна радоваться... ее просто сильно любятъ. Слѣдуетъ подчиниться. Что дѣлать... женская участіе...

— Не кажется ли вамъ, что пора перестать намъ быть женщинами?—разсѣянно улыбнулась Плещеева.

Сейчасъ же простилась. Не задерживали, хотя провожали гурьбой, напоминали, гдѣ необходимо собраться завтра, послѣ завтра и что ея послѣдний разсказъ читаются на вечерѣ у W.

Схематический рисунокъ встрѣчи кометы Галлея съ землей 5 мая.

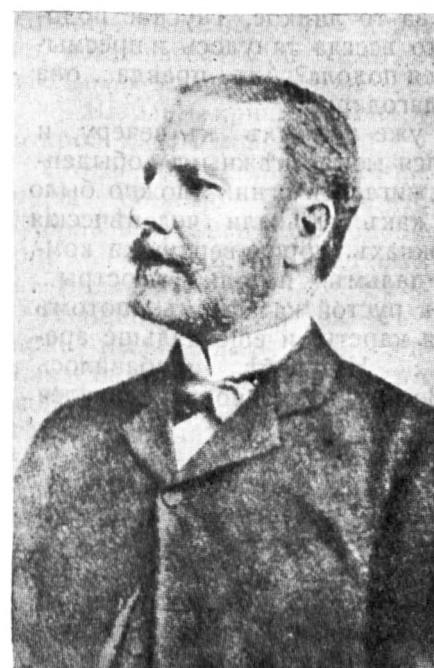
Со всѣми соглашалась, за все благодарила, и лицевые мускулы болѣли отъ напряженной улыбки.

Вечеръ былъ тихій, влажный, закатъ не яркій. На серебристо-голубомъ, очень нѣжномъ небѣ дрожала одиночная, блѣдная звѣздочка. Силуэты черныхъ, оголенныхъ деревьевъ вырисовывались четко, аккуратно, какъ на старательномъ ученическомъ рисункѣ. Темнѣли проталины, ломался синеватый ледъ, сонно бѣжали ручьи, и въ нихъ трепетала блѣдность неба. Blanc et noir... совсѣмъ картина—не дѣйствительность.

А. В. Коншинъ,

новый управляющій Государственнымъ банкомъ.

Графъ Куэнъ-Гедервари,

новый венгерскій премьеръ.

Походило на весну. Даже сердце Лиды екнуло, заныло чисто-весеннимъ, красивымъ, страннымъ томлениемъ о чёмъ-то невозможномъ, неясномъ... Ахъ, если-бы забывалось грустное настоящее!..

— Я или твоє ремесло. Почему онъ сказалъ эту грубую фразу именно теперь, когда ея силы совершенно упали, и она неспособна къ борьбѣ? Почему самый любимый человѣкъ былъ съ нею и самымъ жестокимъ?

Ѣхала, а все видѣнное, слышанное и даже собственную муку складывала непроизвольно гдѣ-то тамъ, въ душѣ, для будущихъ разсказовъ. Затеплилась знакомая, сладкая жажда творчества.

Подумала, что Викторъ правъ, и она не живетъ, а скорѣе пишетъ ежеминутно какой-то нескончаемый рассказъ, создаетъ себѣ сама чувства, мысли, желанія, поступки, превращаетъ себя самое и окружающее лишь въ матеріаль для работы. Но развѣ не поступали такъ ея товарищи? развѣ не сознавались въ томъ же и такіе таланты, какъ Мопассанъ, д'Анунціо?.. Развѣ жили иначе всѣ, принадлежащіе къ „третьему элементу“?

— Я или ремесло... покуда ты пишешь, я не чувствую въ тебѣ любимой женщины, я не вѣрю тебѣ... Я или твоє ремесло.

Мысленно повторила, мысленно написала эту фразу.

— Я или твоє ремесло.

О, какъ это звучало грубо, жестоко, чисто по-мужски...

Сквозь броню зрительныхъ впечатлѣній собственной профессиональной внимательности все же прорывалось тоскливо-мятущееся беспокойство. Что дѣлать?.. Боже, что дѣлать?..

Въ сущности, любовь приносила

лишь горе, неудовлетворенность, стыдъ... Почему? Но потому, что они не были равны. Слишком много унижений, слишком много покорности. Какъ это утомляло, порою... всегдашняя душевная борьба, наружное спокойствие, ежедневное поступательство то однимъ, то другимъ желаніемъ... какъ онъ мало зналъ ее, благодаря тому же...

Все, чѣмъ она привлекала, обычно, необузданная смѣлость, энергия, иронія, даже кокетство, все исчезало, тухло, терялось при немъ. Она представляла быть самой собою. Она превращалась въ рабу, игрушку, виноватаго ребенка, во все, что хотите, но только не въ то, чѣмъ была на самомъ дѣлѣ. Она не умѣла защитить даже свой трудъ. Когда Викторъ бросаль насыщенно: „Эхъ, вы, писаки.. моя дорогая посредственность“, молча соглашалась. Отрекалась нерѣдко отъ работы, какъ отъ чего-то дурного.

— „Писала сегодня?“

— „Нѣтъ, не писала“.

Онъ не признавалъ женского труда, въ частности литературы. Ея рукописи, письменный столъ, книги вызывали въ немъ презрительную усмѣшку.

Во время ссоръ онъ рвалъ ея работы, какъ старыя газеты.

Блѣдная, вскрикивала.

— Что ты дѣлаешь?

Отвѣчалъ, твердо увѣренный въ силѣ своего обаянія:

— Люблю же я тебя, а не машину. Эта мазня отнимаетъ тебя у меня... я не привыкъ дѣлиться.

Онъ подгачивалъ ея вѣру въ искусство, называя его глинянымъ богомъ. Ее охватывала усталость, сомнѣніе, апатія.

Сегодня же она мысленно противостояла. Любовь. Была ли она, дѣятельно, звѣздой женщины? Искусство создавало миражъ удовлетворенія, забвѣнія, учило о томъ, отъ чего отрекалась любовь—о человѣческомъ достоинствѣ женщины. Если въ любви она была только покорной, униженной рабой, то не царицей ли дѣлало ее творчество? Не оно ли возвышало ее надъ толпою и поломъ? Не въ немъ ли она находила очищеніе, успокоеніе, убѣжище послѣ мукъ любви? Развѣ не много? Развѣ не щедрая плата за безсонныя ночи, насышки, клевету, за то липкое, гнусное подозрѣніе, что всегда тянулось и пресмыкалось у ея подола? Ахъ, правда... она была неблагодарной.

Глазъ уже привыкъ къ вечеру, и онъ казался менѣе нѣжкимъ, обиденнымъ. Зажигались огни. Можно было видѣть, какъ мелькали человѣческія тѣла на окнахъ, порою верхушки комнатныхъ пальмъ, потолки, люстры... Встрѣтили пустой катафалкъ, потомъ свадебныя кареты и еще дальше арестантовъ.... На нѣбѣ прибавилось звѣздъ. Вечеръ медленно переливался въ ночь.

Она приѣхала.

Поднялась къ себѣ встревоженная, затуманенная, охваченная неясными предчувствіями.

— Барыня, вамъ письмо.

Почеркъ Виктора. Посмотрѣла на горничную изумленно, словно та знала ея душу и должна была сочувствовать. Выдержала характеръ—сначала преодѣлася, прошла въ кабинетъ. Руки дрожали. Въ продольномъ зеркалѣ

Шекльтонъ,

изслѣдователь южного полюса и ген.-м. Ю. М. Шокальскій, предсѣдатель отдѣленія географіи И. Р. Географическаго Общества.

Кн. В. П. Мещерскій,

извѣстный издаватель „Гражданина“.

Группа сербовъ, обвинявшихся по Загребскому процессу.

разразилось блѣдное, напряженное лицо. Вскрыла конвертъ, сразу угадывая содержаніе по обращенію, четкости буквъ, полной подписи.

Прочла.

На секунду глаза прикрыла.

Вотъ и развязка... Какъ просто...

Господи, какъ просто...

Хотѣлось посмѣяться надъ собою.

— Мое самолюбіе не позволяетъ мнѣ бороться съ тѣмъ, что ежедневно рождается въ вашей головѣ...

Ага... Мило сказано... честное слово...

— Вы словно живете на аэропланѣ...

Да, да... обычное ироническое замѣчаніе...

Во всякомъ случаѣ, не глупо. Онъ отнялъ у нея возможность побѣды. Не

она, онъ сказалъ послѣднее—„нѣтъ“.

Ну, что же... Пусть такъ.

Позвонила.

— Маша, чай принесите сюда...

Съ сегодняшняго дня ея работы улучшатся.

Нельзя служить двумъ богамъ...

Она перестаетъ быть женщиной.

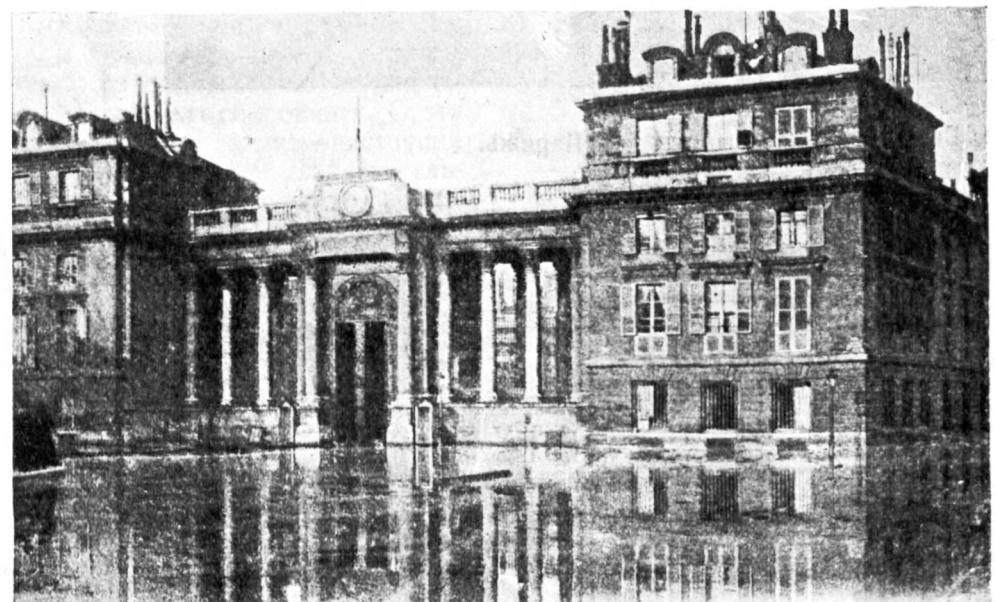
И какъ легко на душѣ, Боже мой,

какъ легко!...

Анна Маръ.

Начало наводненія въ Парижѣ.

Палата депутатовъ во время наводненія въ Парижѣ.

КАТАСТРОФА.

(Съ французскаго).

— Который часъ?

— Половина седьмого.

Полный беспокойства, покусывалъ

Шарль Аубри свою потухшую сигару.

Не прошло и четверти часа, какъ

онъ вернулся домой. Онъ усѣлся про-

тивъ своей жены у камина, въ кото-

ромъ медленно обугливалась пылаю-

ща головня; сначала онъ взялъ кни-

гу, потомъ задумался, снова сталъ

читать, закурилъ сигару, словомъ, об-

наруживалъ цѣлый рядъ признаковъ

нерваго беспокойства и все это подъ

нѣжкимъ, проницательнымъ взоромъ

своей жены.

Взглядъ Марии Луизы остановился на дорогомъ перстнѣ, украшавшемъ его безымянный палецъ. Она знала, что стоить ей лишь раскрыть булавкой крыльшки бабочки на этомъ перстнѣ, чтобы увидѣть изображеніе прелестнаго лица Бланши Куртуа, подруги ея мужа; порывшись въ его портфѣлѣ, она нашла бы ея письма. Подъ крышкой своихъ часовъ онъ сохранялъ ея локонъ; въ его сердцѣ царила та, чужая, которая разбила всю ея жизнь... О той онъ думалъ въ эту минуту; она догадывается объ этомъ по его мечтательной улыбкѣ, играющей на его губахъ.

Вотъ онъ уже нѣсколько дней остается дома и не ищетъ всевозможныхъ нелѣпыхъ поводовъ, чтобы уйти. Уже два года лжетъ онъ ей изо дня въ день, выдумывая разныя поѣздки, не позволяющія ему вернуться домой въ теченіе нѣсколькихъ дней, въ то время, какъ она тихо оплакиваетъ свою судьбу въ своемъ большомъ холдномъ домѣ. О томъ, что онъ всячески причинялъ ей глубокія страданія, онъ ни разу и не подумалъ. От-

ношенія къ ней были самыя холдныя и непрѣзѣнныя. Она не жаловалась, не шла въ разставленныя сѣти, пытала впереди всему мило улыбаться; менѣе грубое слово, пожатіе руки заставляло ее вновь надѣяться. Она постоянно питала надежду вернуть его себѣ; она не знала, что онъ никогда и не принадлежалъ ей.

Вошелъ камердинеръ и на серебряномъ подносе подаль вечернюю газету.

— Ни одного письма? спросилъ Шарль.

— Нѣтъ, сударь.

— Опустите занавѣсы и зажгите лампу, приказала м-те Аубри.

— Благодарю, еще достаточно свѣтъ...

И Шарль углубился въ чтеніе газеты. М-те Аубри была смущена; по счастью, въ комнатѣ находилась Мишушъ, домашняя кошечка; она гладила ея мягкую шерсть, но кошка недовольно ерошила волосы. Она предпочитала прекрасную руку своего господина, та лучше умѣла ласкать.

Въ салонѣ стало совсѣмъ темно.

— Ты испортишь себѣ зрѣніе, сказала м-те Аубри. Но она прервала себя. Шарль вдругъ соскочилъ, скомкала дрожащей рукой газету и испустилъ душу потрясающій крикъ. Этотъ ужасный крикъ открылъ ей вдругъ во всей полнотѣ горячую, безумную страсть ея мужа. Она не спрашивала. Шарль швырнуль газету и бросился изъ комнаты; она слышала, какъ онъ заперся въ своей спальнѣ... Съ этой женщиной приключилось что-то нехорошее, подумала м-те Аубри.

— Но что?—Она подняла газету и тотчасъ же подъ рубрикой „послѣднія извѣстія“ нашла нѣсколько строчекъ, объяснившихъ ей все. Курверский поѣздъ столкнулся съ пассажирскимъ; были раненые и убитые, и между ними „прекрасная“ Бланши Куртуа изъ Wari t e.

Торжествующая улыбка появилась на губахъ Марии Луизы. Тишина наполнила ее чувствомъ удовлетворенности; но вотъ къ ней подкрался страхъ, что это тишину можетъ прервать выстрѣлъ. Тихо, совсѣмъ тихо прошла она переднюю и стала прислушиваться у дверей кабинета. Она услышала тихіе, подавленные стоны, которые были подобны плачу ребенка, оставшагося одинокимъ въ темнотѣ. Дикая жалость охватила ее:

— Шарль,—крикнула она,—Шарль, открай мнѣ! Умоляю тебя!

Стоны прекратились. М-те Аубри ушла обратно въ салонъ.—Нѣтъ, Шарль не убьетъ себѣ; подобная исторія кончается самоубійствомъ только въ романахъ.

Изящно убранный салонъ съ его ярко пылающимъ каминомъ и мягкимъ свѣтомъ, льющимся съ прекрасной люстры, имѣлъ уютный, почти гостепріимный видъ. Камердинеръ раскрылъ двери, ведущія въ столовую; оттуда былъ виденъ богато накрытый хрустальемъ и серебромъ столъ, въ срединѣ которого стояла драгоценная ваза съ любимыми цветами хозяина дома.—Я еще верну его себѣ—сказала она про себя.

— Скоро ужинъ, не правда ли? Скажите повару, чтобы хорошо присмотрѣлъ за бульономъ... онъ долженъ быть крѣпко приправленъ, какъ это любить его сіятельство.

Разливъ Сены у „Нового моста“ въ Парижѣ.

Президентъ республики Фальеръ и предсѣдатель совѣта министровъ Бріанъ объѣзжаютъ затопленные кварталы Парижа.

Она произнесла послѣднее слово съ той дѣтской гордостью, съ которой произнесла его въ первые дни замужества. Не нужно лишь терять присутствіе духа. Все снова пойдетъ хорошо. Соперничество мертвой болѣе не казалось ей опаснымъ. Шарль былъ эгоистомъ; болѣнь и смерть ужасали его. Въ этомъ уютномъ, тепломъ, прекрасномъ салонѣ она чувствовала свое превосходство надъ той, которая лежала теперь мертвая съ искаженнымъ лицомъ между развалинами.

Слуга принесъ телеграмму для ея мужа. Она снова прошла переднюю, постучалась сначала тихо въ дверь, потомъ все громче и громче.

Неописуемый ужасъ обѣялъ ее; она крикнула:—Шарль, скажься! отвѣчай мнѣ!... Ничего. Глубокая тишина. Тогда она распечатала телеграмму и прочла:

— Я жива и здорова. Не беспокойся. Люблю тебя. Сегодня вечеромъ буду дома. Бланшъ.

Тихимъ голосомъ, такъ какъ она

была увѣрена, что ее услышатъ, м-те Аубри произнесла:

— Шарль, только что получилась телеграмма... Она спасена!

Глубоко въ своей душѣ, тамъ, где гнѣздятся злые мысли, она желала, чтобы онъ не отвѣтилъ, никогда болѣе и никому болѣе...

Но быстрымъ движеніемъ раскрылась дверь, и Шарль, заикаясь просилъ:

— Дай! дай!

Онъ читалъ телеграмму, какъ мучимый жаждою пить воду. Въ безумной радости онъ кружился по комнатѣ. Онъ даже не позабылъ поблагодарить свою жену:

— Какъ ты добра! Какъ ты хорошо понимаешь положеніе вещей!

Черезъ нѣсколько минутъ они сидѣли въ столовой другъ противъ друга, будто ничего и не произошло между ними. М-те Аубри видѣла себя

Холщевая лодка для переправы по улицамъ во время наводненія въ Парижѣ.

въ зеркалѣ; ея глаза блестѣли; она вдругъ нашла себя безобразной, несчастной и одинокой. Плакать она не хотѣла. Она подавила въ себѣ страшную нравственную боль и ждала момента, когда пройдетъ эта противная спазма, сдавившая ей горло...

И когда это прошло, и она сумѣла снова взять себя въ руки, она подняла блюдо, стоявшее передъ нею, и протянула его своему мужу.

